

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков

В.С. СОБКИН*,
ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

Е.А. КАЛАШНИКОВА**,
ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
5405956@mail.ru

В контексте проблематики межпоколенных различий в статье рассматриваются особенности изменений в эмоциональной оценке успешности жизненных перспектив, сформированности планов на будущее и приоритетов в жизненных ценностях у учащихся основной и старшей школы. Работа основана на сравнении результатов мониторинговых анкетных опросов, которые проводились сотрудниками ЦСО РАО с 1991 по 2017 годы. Выборка в 1991 г. составила 1162 респондента, в 1996 г. — 1604, в 2002 г. — 2978, в 2017 г. — 11803. При анализе материалов учитываются гендерные, возрастные и социально-стратификационные различия. Данные обработаны с помощью методов математической статистики (критерии значимых различий, факторный анализ). Результаты свидетельствуют о том, что эмоциональная оценка школьниками успешности жизненных перспектив, сформированность планов на будущее и ценностные предпочтения в существенной степени зависят от экономических и политических трансформаций в обществе. С помощью факторного анализа выделены пять обобщенных оппозиций, которые позволяют провести межпоколенческое

Для цитаты:

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 19–39. doi:10.17759/sps.2019100302

* Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, академик РАО, заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Центра социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием», Москва, Россия, sobkin@mail.ru

** Калашникова Екатерина Александровна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социологии образования, ФГБНУ «Институт управления образованием», Москва, Россия, 5405956@mail.ru

сопоставление особенностей жизненных позиций учащихся с учетом гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов.

Ключевые слова: *межпоколенные различия, подросток, жизненная успешность, ценности, сформированность планов, гендерные и возрастные факторы, материальное положение.*

Этап подростничества является одним из самых сложных периодов взросления, когда школьники активно задумываются о наиболее значимых для себя жизненных ценностях, строят планы на будущее, оценивают свою жизненную успешность [1–6; 8–10; 12; 13; 15; 16; 18]. Процесс личностного самоопределения переживается особенно остро на этапе перехода от подростничества к ранней юности [19]. Поэтому доминирующее эмоциональное состояние сознания относительно оппозиции «оптимизм—пессимизм» на этом этапе является одним из наиболее важных индикаторов, характеризующих особенности восприятия подростком своих жизненных перспектив, осознанности планов на будущее и приоритетов в ценностных ориентациях [1; 5; 9; 10; 12; 13; 15; 17]. На данный момент процесс социализации подростка осложнен явлениями, происходящими в обществе (техно-эволюционный прогресс, социально-экономическая нестабильность, усиление социальной дифференциации и др.). Отличительной чертой современной ситуации является также ценностно-нормативная неопределенность, когда механизмы передачи норм и ценностей от старшего поколения младшему, характерные для стабильного общества, серьезно нарушены [4; 6; 7; 9–13; 15; 16]. Как показывают исследования, эта ситуация находит отражение в особенностях отношения к учебной деятельности, взаимодействиях с ближайшим окружением взрослых и сверстников, различных

девиациях и т.п. [7; 9–13; 14; 17]. Поэтому отслеживание тенденций, определяющих изменения в расстановке приоритетов в структуре жизненных ориентаций с учетом эмоционального самочувствия и планирования своего будущего, является важным моментом для характеристики своеобразия процесса социализации современных подростков.

В этом отношении в рамках социокультурного подхода к изучению подростничества важно выделить по меньшей мере три важных, на наш взгляд, принципа организации исследовательских программ детства: многопозиционный подход к ситуации развития ребенка, предполагающий сопоставление мнений детей и взрослых; мониторинг социокультурных изменений ценностных ориентаций в детской и подростковой субкультуре; проведение кросс-культурных сопоставлений особенностей социальной ситуации развития. В этой связи совершенно особое значение приобретают межпоколенческие исследования. Принципиальная важность подобных исследований заключается в том, что их результаты позволяют не просто охарактеризовать «историю» тех или иных изменений, а выявить важные особенности, характеризующие *своеобразие современной ситуации*, которая и обнаруживается на основе сопоставления настоящего и прошлого. Иными словами, принцип сопоставления прошлого и настоящего является важнейшим для понимания процессов социокультурной динамики,

обнаруживая в то же время и потенциальные возможности будущего.

Результаты исследования и их обсуждение

Основным рабочим понятием в настоящем исследовании является *жизненная позиция*, которая включает в себя три содержательных аспекта: эмоциональная оценка своей будущей успешности; сформированность жизненных планов и ценностные приоритеты.

Исследование строится на следующих взаимосвязанных предположениях: 1) динамика изменений особенностей жизненной позиции подростка в существенной степени связана с экономическими, политическими и социокультурными трансформациями; 2) содержательное своеобразие жизненной позиции подростка определяется влиянием гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов; 3) своеобразие межпоколенных различий в жизненной позиции подростков зависит от характера ценностных установок на самореализацию и проблематизацию своих жизненных планов.

Исследование основано на материалах сравнительных мониторинговых анкетных опросов подростков (7-х, 9-х, 11-х классов), проведенных сотрудниками Центра социологии образования РАО в период с 1991 по 2017 годы. В опросе в 1991 г. принимали участие 1162 респондента, в 1996 г. — 1604, в 2002 г. — 2978, в 2017 г. — 11803.

Материалы обработаны с применением методов математической статистики (значимые различия, факторный анализ); использовался пакет StatSoft Statistika 6.0.

В статье эмпирический материал сгруппирован в три раздела. В первом из них описывается используемый инструментарий (анкетные вопросы и варианты ответов) и дается характеристика динамики эмоциональной оценки своей жизненной успешности у школьников, сформированности их планов и изменения в значимости жизненных ценностей в период с 1991 по 2017 годы.

Во втором на материалах опроса 2017 г. анализируется влияние гендерных, возрастных, социально-стратификационных (материальный статус семьи) факторов на оценку своей жизненной успешности, сформированности планов на будущее и ценностные приоритеты.

И, наконец, в третьем разделе на основе сопоставления материалов опросов 2002 и 2017 годов рассмотрены структурные взаимосвязи между показателями жизненной успешности с учетом влияния гендерных, возрастных и социально-стратификационных особенностей в ракурсе межпоколенных различий.

1. Тенденции изменений жизненной позиции учащихся с 1991 по 2017 годы.

В данном разделе будут рассмотрены три сюжета, которые задают содержательную рамку реализованной нами программы цикла эмпирических исследований, посвященных изучению жизненной позиции в подростковом возрасте. Это сюжеты об эмоциональной оценке своей жизненной успешности, о сформированности своих жизненных планов и о ценностном выборе жизненных приоритетов. При этом основной акцент здесь делается именно на сопоставлении общих средних данных по результатам опросов 1991, 1996, 2002 и 2017 годов.

1.1. Эмоциональная оценка жизненных перспектив. Для выяснения мнений учащихся по поводу своей *жизненной успешности* им предлагалось выбрать один из трех предложенных вариантов ответа: «я с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день»; «у меня есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно»; «я со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня». Данный вопрос с одинаковыми вариантами ответов использовался нами при проведении мониторинговых социологических исследований с 1991 г. и показал свою высокую содержательную валидность при анализе влияния целого ряда факторов (гендерных, возрастных, социально-стратификационных, успешности в учебной деятельности и др.) [9; 10; 12; 13].

На рис. 1 представлены сравнительные данные оценки школьниками своей *жизненной успешности*.

Из приведенных на рисунке результатов видно, что с 1991 г. по 2002 г. последовательно снижается доля учащихся, «сомневающих» в успешности своих жизненных перспектив. И, напротив, рас-

тет доля тех, кто «с уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день». Причем если в выборке школьников 1991 г. явно доминировала доля «сомневающих» (63,7%), то уже среди школьников 2002 г. на первом месте оказываются те, кто с «уверенностью и оптимизмом смотрит в завтрашний день» (53,1%); в 1991 г. их доля была существенно меньше – 31,7%. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное самочувствие подростков популяции 1991 г. и 2002 г. существенно отличается. Вместе с тем с 2002 по 2017 годы структура ответов об эмоциональной оценке своих жизненных приоритетов не меняется.

Следует также подчеркнуть, что принципиальные изменения в эмоциональной оценке своих жизненных перспектив у школьников произошли в период с 1996 по 2002 годы. Так, доля тех, кто оценивал свое будущее оптимистично, резко увеличилась с 36,0% до 53,2% ($p=.000$), а число «сомневающих» в успешности своего будущего уменьшилось с 53,4% до 43,3% ($p=.000$). Заметим, что эти изменения происходят парал-

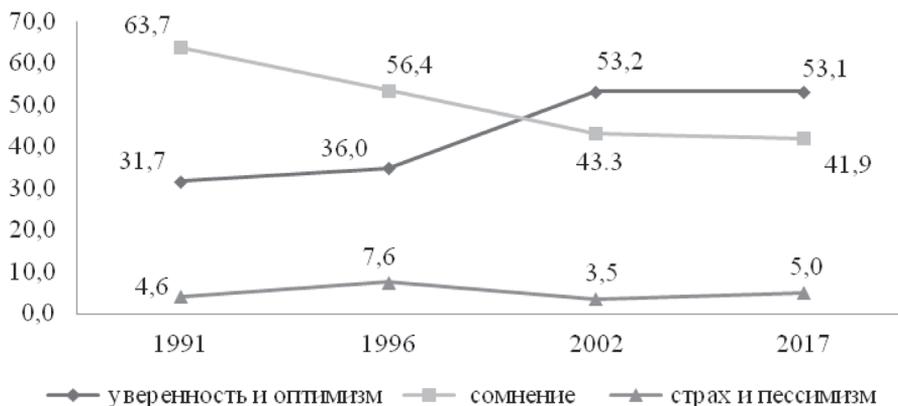

Рис. 1. Оценка успешности своих жизненных перспектив учащимися в период с 1991 по 2017 годы (%); данные 1991, 1996 и 2002 годов приведены по публикациям [9; 10; 12; 13].

тельно с улучшением экономической ситуации в стране во второй половине 90-х годов. Таким образом, с известными оговорками, можно сделать вывод о том, что изменения в эмоциональной оценке своей жизненной успешности среди разных популяций подростков отражают динамику социально-экономического благополучия жизни страны.

В этой связи заметим, что меняются оценки своей жизненной успешности не только у подростков, но и у взрослых. Показательно в этом отношении сравнение ответов на этот же вопрос учащихся и учителей в 1991 и 2017 гг. (см. рис. 2).

В представленных данных обращают на себя внимание два момента. Первый связан с динамикой численности «оптимистов» и «сомневающихся». Так, если в 1991 г. «с уверенностью и оптимизмом» оценивали свои жизненные перспективы 8,4% учителей, то в 2017 г. таких было 58,8% (p=.000). При этом доля испытывающих «сомнение» сократилась с 59,4%

до 38,5% (p=.000). И, самое главное, существенно сократилась доля тех, кто оценивает свои перспективы «со страхом и пессимизмом»: с 27,6% до 2,7% (p=.000). Подобное сходство эмоционального ощущения успешности своего будущего взрослыми (учителями) и подростками на разных исторических этапах крайне важно подчеркнуть как важный аспект именно межпоколенческих исследований.

Второй момент затрагивает особенности *социальной ситуации развития* ребенка, а именно межличностных отношений взрослых (в данном случае учителей) и подростков. Действительно, если в 1991 г. учащиеся видели перед собой сомневающегося в своей успешности учителя, а часто и просто испытывающего страх перед будущим (и таких по ответам самих учителей среди них суммарно было 87%), то в 2017 г. школьники имеют дело с иным по социальному самочувствию педагогом. Это, в свою очередь, создает особый эмоциональный фон, определяющий сво-

Рис. 2. Оценка будущих перспектив среди учащихся по опросам 1991 и 2017 гг. и учителей 1991 [11] и 2017 гг. (данные опроса 4716 учителей в 2017 г.)

образии контекста социально-ролевых взаимоотношений «подросток—учитель» для разных поколений.

И, наконец, следует обратить внимание на то, что оценка своей жизненной успешности (см. рис. 1) практически одинакова в популяции подростков, опрошенных в 2002 и 2017 гг. Однако подобное сходство проявляется при сопоставлении общих средних данных двух популяций. Между тем можно предположить, что более дифференцированный анализ, учитывающий влияние социально-стратификационных факторов, позволит выявить характерные различия в оценке своего будущего у учащихся в опросах 2002 и 2017 годов.

1.2. Сформированность жизненных планов. В табл. 1 представлены данные проведенных в период с 1991 по 2017 гг. опросов учащихся основной и старшей школы о сформированности своих жизненных планов. В них респондентам задавался один и тот же вопрос, предполагающий выбор из следующих четырех вариантов: «я отчетливо представляю себе свое будущее»; «мои жизненные планы еще не определены»; «предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты»; «думаю о своем будущем, но не могу определиться». Заметим, что предложенные

варианты, помимо оппозиции сформированность/несформированность своих жизненных планов, задают и оппозицию ситуативность/проблематизация будущего («предпочитаю думать о сегодняшнем дне»/«думаю, но не могу определиться»).

Из таблицы видно, что, по сравнению с 1991 годом, к 2017 году в два раза увеличилась (с 16,8% до 32,7%; $p=.000$) доля подростков со сформированными планами относительно будущего. При этом резко уменьшилась доля тех, кто проблематизирует свое будущее (с 54,6% до 33,5%; $p=.000$). Наблюдается и динамика в изменении доли ответов, свидетельствующих о неопределенности жизненных планов: их резкое увеличение до 28,6% в 1996 году. Возможно, подобный рост неопределенности связан с обострением политической ситуации в жизни страны в этот период. И, наконец, на протяжении практически всего двадцатипятилетнего периода, в рамках которого проводились мониторинговые опросы, практически не изменилась доля учащихся с ситуативным поведением. В целом следует обратить внимание на то, что динамика изменения в ответах относительно сформированности жизненных планов существенно отличается от оценки учащимися своих жизненных перспектив. Это дает основание к выводу

Таблица 1

Динамика ответов учащихся о сформированности своих жизненных планов (%)

	1991	1996	2002	2017
Я думаю о своем будущем, но не могу определиться	54,6	36,1	46,9	33,5
Я отчетливо представляю себе свое будущее	16,8	18,3	20,9	32,7
Я предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты	10,0	17,0	16,5	12,5
Мои жизненные планы на сегодня еще не определены	18,6	28,6	15,7	21,3
N	1162	1604	2978	11803

о том, что оценка жизненной успешности и планирование могут рассматриваться как два относительно независимых параметра для проведения межпоколенческих сопоставлений особенностей подросткового возраста.

1.3. Жизненные ценности. Для определения ценностных приоритетов респондентам задавался специальный закрытый вопрос, где они могли выбрать наиболее значимые для себя жизненные ценности из предложенного списка: профессиональная деятельность, здоровье, счастливая семейная жизнь, достижение материального благополучия, возможность творческой деятельности и др. Поскольку в разных опросах список предлагаемых вариантов ответов несколько менялся, то для корректного сопоставления данных приведем результаты лишь по тем двум (2002 и 2017 гг.), где список ценностей оставался инвариантным (см. табл. 2).

Из табл. 2 видно, что в период с 2002 по 2017 гг. среди школьников увеличилась значимость ценностей социальной

самореализации: успешная профессиональная деятельность, возможность творческой деятельности, повышение своего культурного уровня, уровня своего образования, достижение материального благополучия. Помимо этого, заметно чаще отмечаются и ценности, связанные с социальной позицией: самостоятельность и независимость, хорошие отношения с родителями. Значимость же остальных ценностей, которые касаются в основном межличностных отношений (наличие близких друзей, духовная и физическая близость с близким человеком, счастливая семейная жизнь), за последние пятнадцать лет практически не изменилась. Вместе с тем существенно снизилась среди подростков значимость такой ценности, как здоровье. Таким образом, приведенные данные показывают, что динамика значимости жизненных ценностей неоднозначна. Важность одних явно повышается, других снижается, третьих остается на том же уровне. Это свидетельствует о том, что при проведении межпоколенных сопоставлений особенностей

Таблица 2
Значимость жизненных ценностей по опросам 2002 и 2017 годов (%)

Жизненные ценности	2002	2017	P
здоровье	72,1	57,5	.000
успешная профессиональная деятельность	25,8	41,3	.000
достижение материального благополучия	16,5	20,5	.01
самостоятельность и независимость	13,3	24,7	.000
возможность творческой деятельности	5,8	17,4	.000
повышение своего культурного уровня	4,7	14,1	.000
хорошие отношения с родителями	25,1	33,7	.001
повышение уровня своего образования	15,2	23,8	.01
наличие близких друзей	39,0	38,2	—
счастливая семейная жизнь	35,4	32,9	—
духовная и физическая близость с близким человеком	18,3	14,6	—
N	2978	11803	

ценностей подростков необходим более детальный анализ изменений относительно их иерархии и взаимосвязи.

В целом, представленные в данном разделе результаты мониторинговых опросов свидетельствуют о достаточно сложных и неоднозначных в период их проведения изменениях оценки своей успешности, планов на будущее и жизненных ценностей учащимися. Так, например, если на этапе с 2002 по 2017 гг. отсутствуют какие-либо существенные изменения в эмоциональной оценке успешности своих жизненных перспектив, то в степени сформированности у подростков своих жизненных планов динамика в этот период проявляется весьма отчетливо: снижается число проблематизирующих свое будущее, и параллельно растет доля тех, кто определился. Заметно меняются в этот же период и ценностные ориентиры. С целью уточнения особенностей этих изменений важно оценить характер влияния демографических и социально-стратификационных факторов на жизненное самочувствие подростка.

2. Влияние демографических и социально-стратификационных факторов (опрос 2017 г.). В данном разделе мы рассмотрим четыре небольших сюжета: один касается усиления социальной дифференциации относительно уровня материальной обеспеченности. Три других связаны с влиянием гендерных, возрастных и стратификационных факторов (уровень материальной обеспеченности) на эмоциональную оценку учащимися своей жизненной успешности, сформированность планов на будущее, значимость тех или иных ценностей.

2.1. Социально-стратификационные изменения. Показателем социально-

стратификационных особенностей могут служить ответы респондентов на вопрос об уровне материальной обеспеченности семьи. Подобная самооценка является важным индикатором, который использовался нами в многочисленных исследованиях и показал свою содержательную валидность [10–14]. Сравнение данных по опросам учащихся 2002 и 2017 годов свидетельствует о том, что доля слабообеспеченных среди них увеличилась с 4,3% до 26,5% ($p=.000$), а высокообеспеченных — с 12,6% до 24,4% ($p=.000$). При этом сократилось число тех школьников, кто относит себя к среднеобеспеченному слою (с 83,1% до 49,1%; $p=.000$). Приведенные данные можно рассматривать как констатацию усилившейся социальной дифференциации в поколении учащихся основной и старшей школы 2017 г., по сравнению со сверстниками в 2002 г., поскольку явно снижается доля тех, кто относит себя к среднеобеспеченному слою («размывается» средний слой), и возрастают доли относящих себя к слабой и сильной стратам. Можно предположить, что подобная тенденция имеет важные социокультурные последствия, связанные с противопоставлением жизненных позиций представителей сильных и слабых страт. А это, в свою очередь, может вести к особым напряжениям в подростковой субкультуре.

2.2. Эмоциональная оценка. Анализ данных показал, что среди высокообеспеченных учащихся, по сравнению со слабообеспеченными, значительно больше тех, кто относится к своей будущей жизни с «оптимизмом» (соответственно: 61,4% и 45,1%; $p=.000$). Среди же слабообеспеченных, напротив, больше тех, кто испытывает «сомнение» (соответственно: 47,4% и 34,8%; $p=.000$) или «со стра-

хом и пессимизмом» оценивает свои перспективы (соответственно: 7,5% и 3,8%; $p=.000$). Эти данные свидетельствуют о том, что осознание материального статуса семьи оказывает явное влияние на оценку своей жизненной успешности уже на этапе подростничества.

Вместе с тем более детальный анализ гендерно-возрастной динамики позволил выявить значимые различия в оценке жизненной успешности только среди девочек (см. рис. 3а, 3б).

Из рис. 3а видно, что среди высокообеспеченных девочек доля позитивно оценивающих *успешность* своих жизненных перспектив с возрастом последовательно увеличивается, а среди слабообеспеченных она заметно снижается уже на рубеже 9-го класса. В то же время (см. рис. 3б) среди высокообеспеченных с переходом в 11-й класс резко снижается доля тех, кто *негативно* оценивает свою жизненную успешность — таких здесь

лишь единицы. Напротив, среди слабообеспеченных девочек уже в 9-м классе явно увеличивается доля негативно оценивающих свою жизненную успешность — каждая десятая.

В целом, можно сделать вывод о том, что к окончанию школы заметно увеличиваются различия в оценке успешности своих жизненных перспектив между девочками из разных по материальному положению страт.

2.3. Сформированность планов на будущее. Сравнение ответов учащихся, принадлежащих к разным социальным стратам по уровню материальной обеспеченности, показало существенные различия в характере сформированности их жизненных планов. Так, например, среди высокообеспеченных учащихся, по сравнению со слабообеспеченными, больше тех, кто «отчетливо представляет свое будущее» (соответственно: 34,7%

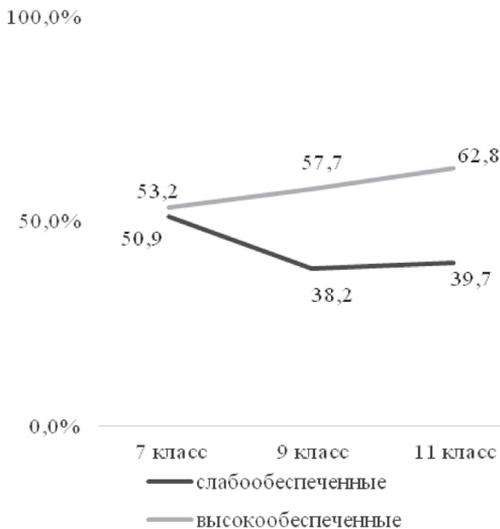

Рис. 3а. Возрастная динамика позитивных оценок (*уверенность, оптимизм*) перспектив среди слабо- и высокообеспеченных девочек (%)

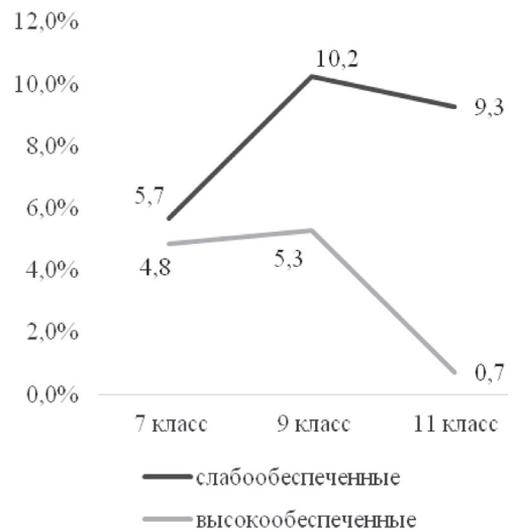

Рис. 3б. Возрастная динамика негативных оценок (*страх, пессимизм*) перспектив среди слабо- и высокообеспеченных девочек (%)

и 30,6%; $p=.000$). Среди же слабообеспеченных, напротив, больше тех, чьи планы еще не определены (соответственно: 24,7% и 18,3%; $p=.000$). Таким образом, уровень материальной обеспеченности существенно дифференцирует учащихся относительно отчетливости своих жизненных планов.

Помимо средних значений, особый интерес представляет и гендерно-возрастная динамика отчетливости планов на будущее среди учащихся из слабообеспеченных и высокообеспеченных семей (см. рис. 4а, 4б).

Из приведенных на рисунках данных видно, что по мере взросления (как среди мальчиков, так и среди девочек) увеличиваются различия между учащимися из сильных и слабых социальных страт относительно отчетливости своих жизненных планов. Причем если среди мальчиков эти стратификационные различия проявляются уже в 9-м классе, то у девочек позже — в 11-м.

2.4. Жизненные ценности. Сопоставительный анализ данных в подвыборках

учащихся с различным уровнем материальной обеспеченности показал, что для учащихся из высокообеспеченных семей, по сравнению со слабообеспеченными, более значимы ценности, связанные с социальным благополучием: «хорошие отношения с родителями» (соответственно: 38,9% и 29,7%; $p=.0000$); «счастливая семейная жизнь» (соответственно: 36,3% и 29,6%; $p=.0000$); «уважение окружающих» (соответственно: 15,7% и 12,4%; $p=.000$). Помимо этого, для них более важным оказывается и ценность, связанная с поддержанием здоровья (соответственно: 64,0% и 58,0%; $p=.0000$). Учащиеся же из слабообеспеченных семей более ориентированы на ценности, связанные с самореализацией: «самостоятельность и независимость» (соответственно: 27,9% и 20,7%; $p=.0000$); «достижение материального благополучия» (соответственно: 24,0% и 17,2%; $p=.0000$); «возможность творческой деятельности» (соответственно: 19,6% и 14,5%; $p=.0000$).

Таким образом, если для высокообеспеченных учащихся более значимы ценности, связанные с социальной успешностью,

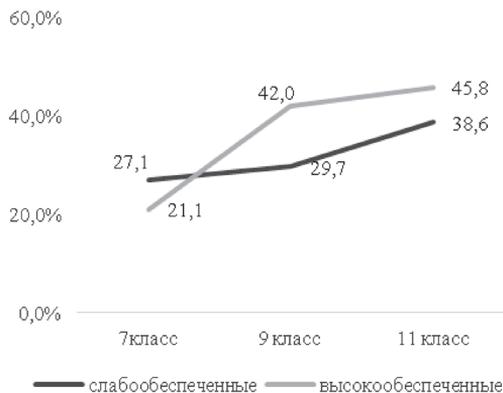

Рис. 4а. Возрастная динамика отчетливости планов на будущее среди мальчиков (2017 г.)

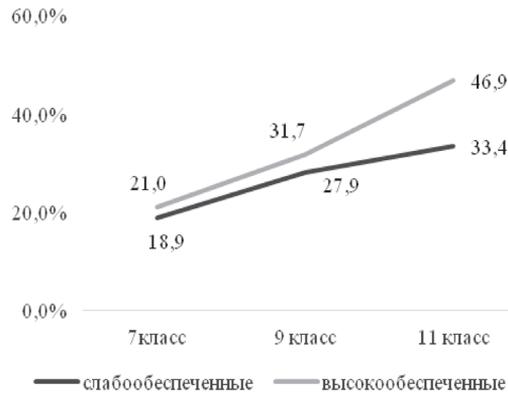

Рис. 4б. Возрастная динамика отчетливости планов на будущее среди девочек (2017 г.)

то для слабообеспеченных — с личностной самореализацией. В этом, на наш взгляд, проявляется ценностная ориентация на восходящую социальную мобильность учащихся из слабых социальных страт: не надеясь на ресурсы семьи, они ориентированы на собственные возможности.

В целом, приведенные в данном разделе результаты социологического опроса 2017 года показывают значимое влияние на формирование жизненной позиции подростка гендерных, возрастных и социально-стратификационных факторов. В этой связи в логике настоящей статьи, ориентированной на межпоколенческий анализ, особый интерес представляет сопоставление эмоциональной оценки своих жизненных перспектив, сформированности планов и ценностных ориентаций в зависимости от возрастных, гендерных и социально-стратификационных факторов в разных поколениях школьников. Этому и посвящен следующий раздел.

3. Структурный анализ особенностей жизненных позиций среди разных поколений школьников. Материалы проведенных нами исследований позволяют сопоставить своеобразие жизненных позиций среди подростков, опрошенных в 2002 и 2017 годах с учетом их возраста, пола и самооценки материального статуса семьи. Поскольку в рамках исследовательской программы используется достаточно большой набор разнообразных показателей, то при обработке эмпирических данных целесообразно использовать результаты факторного анализа. Для этого исходный материал был сгруппирован в матрицу данных общей размерностью 19 (строки) на 24 (столбцы). Строки представляют формулировки вариантов ответов на рассмотренные выше (разделы 1 и 2) вопросы о жизненных ценностях,

сформированности жизненных планов и эмоциональной оценке учащимися своих жизненных перспектив. Столбцы фиксируют подвыборки учащихся опросов 2002 и 2017 годов, дифференцированные относительно возраста (7-й, 9-й и 11-й классы), пола (мальчики и девочки) и принадлежности к уровню материальной обеспеченности семьи (слабообеспеченному и высокообеспеченному). Например, мальчики 7-го класса из слабообеспеченного слоя по опросу 2002 г.; слабообеспеченные девочки 7-го класса по опросу 2002 г. и т.д. Ячейка матрицы (пересечение строки и столбца) фиксирует процент выбора соответствующего варианта ответа в соответствующей подвыборке учащихся. Сформированная таким образом матрица была подвергнута математической обработке с помощью процедуры факторного анализа (метод Главных компонент с последующим вращением осей по критерию Varimax Кайзера). В результате было выделено пять биполярных факторов, объясняющих 82,3% общей суммарной дисперсии.

При изложении полученных материалов мы проанализируем, во-первых, содержательные особенности факторов; во-вторых, рассмотрим своеобразие размещения в пространстве факторов отдельных подвыборок респондентов по опросам 2002 и 2017 годов.

3.1. Содержательные особенности выделенных факторов. В таблице 3 приведены структурные особенности выделенных факторов с учетом их вклада в общую суммарную дисперсию и значимых весовых нагрузок по вариантам ответов на вопросы о ценностных ориентациях, сформированности планов и эмоциональной оценке своей жизненной успешности.

Приведенные в табл. 3 данные о структуре выделенных факторов определяют, в первую очередь, пять обобщенных бинарных модальностей, которые и задают характеристики, определяющие содержательное пространство для меж-

Таблица 3

Структура выделенных факторов по ответам учащихся на вопросы о значимых ценностях, сформированности планов и эмоциональной оценке жизненной успешности (весовые нагрузки)

F1+стремление к социальной самореализации	24,4%
повышение своего культурного уровня	,848
самостоятельность и независимость	,846
возможность творческой деятельности	,765
успешная профессиональная деятельность	,736
отчетливо представляю себе свое будущее	,672
F1-физическое благополучие	
здоровье	-,796
F2+поддержание норм подростничества	16,8%
хорошие отношения с родителями	,910
повышение уровня своего образования	,718
F2–независимость, самостоятельность (взрослость)	
духовная и физическая близость с любимым человеком	-,622
достижение материального благополучия	-,816
F3+ситуативность	15,4%
предпочитаю думать о сегодняшнем дне, а не строить всевозможные проекты	,799
F3–проблематизация будущего	
думаю о своем будущем, но не могу определиться	-,814
у меня есть сомнения в том, что жизнь сложится удачно	-,908
F4+пессимизм	13,5%
я со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня	,833
мои жизненные планы на сегодня еще не определены	,593
F4–оптимизм	
я с уверенностью и оптимизмом смотрю в завтрашний день	-,892
F5+друзья	12,2%
наличие близких друзей	,899
F5–семья (социальное признание)	
уважение окружающих	-,513
счастливая семейная жизнь	-,711

поколенческого анализа. Кратко прокомментируем каждый из факторов.

Так, положительный полюс биполярного фактора F1 определяется комплексом взаимосвязанных жизненных ценностей, которые в целом характеризуют стремление подростков к успешной самореализации. При этом характерно, что успешность профессиональной деятельности оказывается здесь связана с возможностью творчества, самостоятельностью и независимостью, повышением культурного уровня. Важно подчеркнуть, что подобная ценностная ориентация связана и с отчетливостью представлений подростков о своем будущем. Отрицательный полюс характеризует ценность, связанную с поддержанием здоровья. В целом данный фактор можно обозначить через оппозицию: *«стремление к успешной социальной самореализации—физическое благополучие»*.

На положительном полюсе второго фактора (F2) сгруппировались ценности, определяющие поддержание хороших отношений с родителями и повышение уровня своего образования. В целом подобная связь позволяет сделать вывод о том, что положительный полюс этого фактора содержательно определяет поддержание культурно заданной нормы представлений о подростничестве, где важными оказываются отношения с родителями и учеба. Противоположный, отрицательный полюс фактора F2 объединяет ценности, связанные с самостоятельностью поведения, что проявляется в возможности близких отношений с представителями противоположного пола и стремлением к материальной независимости. Этот полюс содержательно можно определить как особое «чувство взрослости», связанное с личной и материальной независимостью, самостоятельностью. Обобщая данный фактор, его можно охарактеризовать

через оппозицию: *«поддержание норм подростничества—независимость, самостоятельность (взрослость)»*.

Третий биполярный фактор F3 прост по своей структуре. Его положительный полюс можно обозначить как *ситуативное поведение*. Отрицательный же фиксирует содержательную связь между сомнениями относительно жизненной успешности с трудностями определения своих планов на будущее. Он определяет установку на *проблематизацию своего будущего*. Таким образом, данный фактор характеризует своеобразие планирования будущей жизни относительно двух модальностей: *«ситуативное поведение—проблематизация будущего»*.

Четвертый фактор F4 в целом задает оппозицию между двумя эмоциональными оценками своей жизненной успешности: *«пессимизм—оптимизм»*.

И, наконец, пятый фактор F5 задает оппозицию относительно ценностной значимости двух разных типов социальных контактов в ближайшем окружении. Его положительный полюс ориентирован на наличие близких друзей, а отрицательный — на счастливую семейную жизнь, уважение окружающих. Обобщенно, это две разные ориентации: *«друзья—семья (социальное признание)»*.

3.2. Свообразие жизненных позиций учащихся разных поколений в пространстве выделенных факторов.

Здесь будут рассмотрены особенности размещения в пространстве выделенных факторов разных подвыборок учащихся по опросам 2002 и 2017 гг. Напомним, что подвыборки дифференцированы с учетом гендерных и возрастных характеристик, а также особенностей материального положения учащихся (из высоко- и слабообеспеченных семей).

На рис. 5 представлено размещение школьников в пространстве факторов F1 («стремление к социальной самореализации—поддержание физического благополучия») и F2 («поддержание норм подростничества—самостоятельность, независимость (взрослость)»).

Представленные на рис. 5 данные позволяют отметить три характерных особенности в жизненных позициях разных подвыборок школьников с учетом их размещения в квадрантах двумерного факторного пространства F1 и F2.

1. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все подвыборки опрошенных в 2017 г. школьников имеют высокие значения на положительном полюсе фактора F1. В то же время большинство подвыборок респондентов по опросу 2002 г. разместились на его отрицательном полюсе. Таким образом, принципиальное отличие в жизненных позициях двух поколений школьников достаточно очевидно: если среди учащихся, опрошенных в 2017 г., явно выражено стремление к самореализации, то для большинства школьников, участвовавших в опросе 2002 г., характерна ценностная ориентация на поддержание физического благополучия (здоровье).

Размещение же учащихся по оси фактора F2 достаточно четко дифференцирует их относительно возрастной динамики. Причем заметим, что она имеет сходный характер вне зависимости от периода опроса. Так, большинство семиклассников (как мальчиков, так и девочек, опрошенных в 2002 и 2017 годах) разместились на положительном полюсе данного фактора. На отрицательном же — учащиеся 11-х классов. В свою очередь это позволяет сделать вывод о том, что возрастные особенности, связанные с поддержанием норм подростничества

или, напротив, стремлением к независимости, самостоятельности, в целом сходны для разных поколений школьников.

Таким образом, если стремление к самореализации дифференцирует поколения, то возрастная динамика характеризуется ценностной оппозицией «поддержание норм—независимость», инвариантна для разных поколений учащихся основной и старшей школы.

2. Мальчики-семиклассники, принадлежащие к разным социальным стратам (высокообеспеченные и слабообеспеченные), опрошенные как в 2002, так и в 2017 годах, оказались близки по своим ценностным ориентациям, поскольку практически все разместились в квадранте IV. Их характеризуют высокие положительные значения по оси фактора F2 (поддержание норм подростничества: «хороших отношений с родителями», «повышение уровня своего образования») и отрицательные значения по фактору F1 (поддержание своего физического благополучия: «здоровье»). С возрастом же межпоколенческие различия оказываются все более очевидными и характеризуются размещением мальчиков, опрошенных в 2002 г., в квадранте III, а опрошенных в 2017 г. — в квадранте II. Таким образом, если у мальчиков-старшекласников в 2002 году чувство взрослости («независимость», «самостоятельность») связано с ценностью физического благополучия «здоровье», то у старшекласников в 2017 году — с «социальной самореализацией». Иными словами, межпоколенческие различия относительно своей жизненной позиции у мальчиков отчетливо обнаруживаются лишь в старшем школьном возрасте и проявляются в разной значимости установок, определяющих стремление к самореализации.

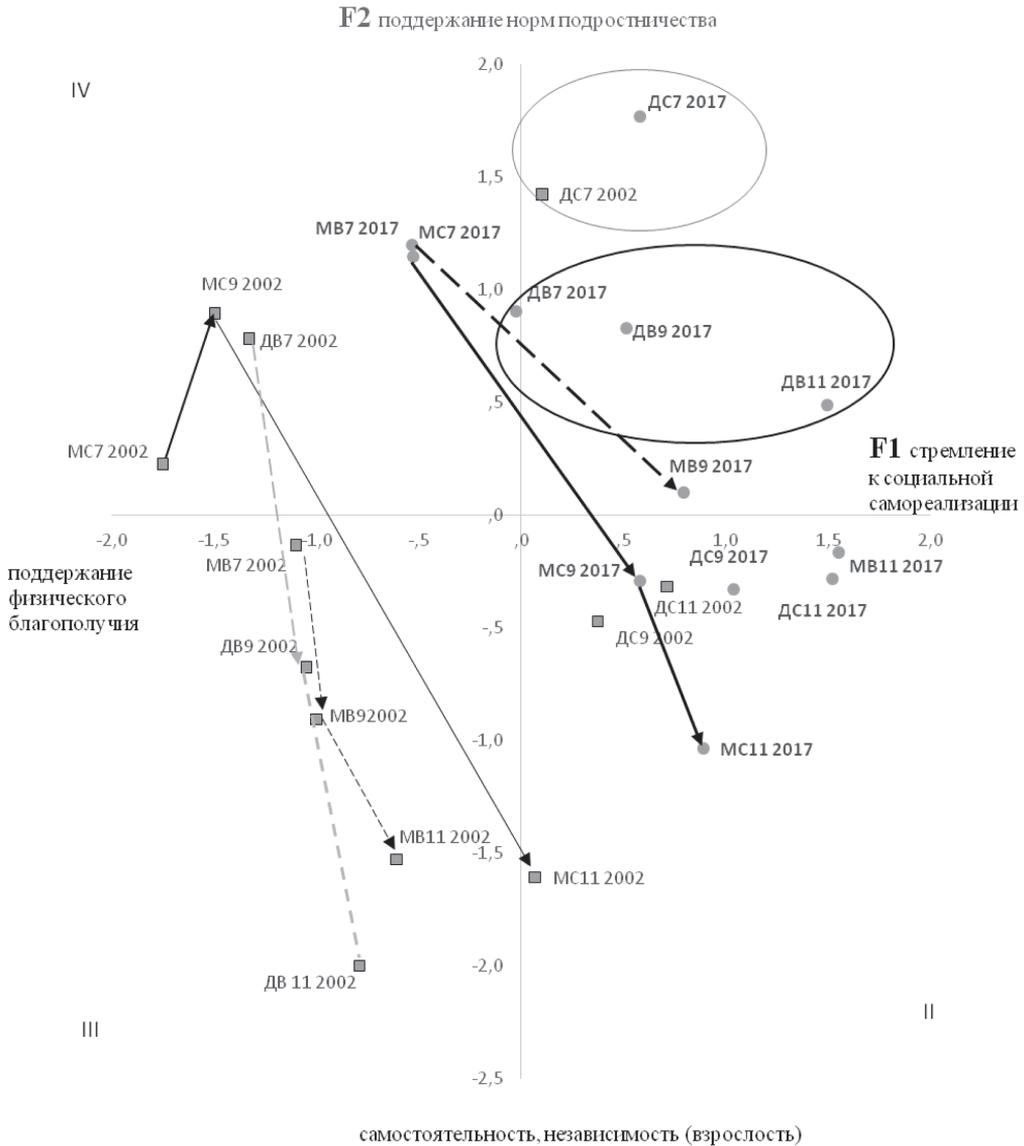

Рис. 5. Размещение различных подвыборок учащихся по опросам 2002 и 2017 гг. в пространстве факторов F1 («стремление к социальной самореализации—поддержание физического благополучия») и F2 («поддержание норм подростничества—самостоятельность, независимость (взрослость)»). Обозначения подвыборок: Д — девочки; М — мальчики; В — высокообеспеченные; С — слабообеспеченные; 7, 9, 11 — классы; 2002, 2017 — годы опроса. Например, МВ7 2002 — мальчики, высокообеспеченные, 7-го класса, опрошенные в 2002 г.; МС11 2017 — мальчики, слабообеспеченные, 11-го класса, опрошенные в 2017 г.

3. Иные содержательные различия в ценностных ориентациях проявляются при сопоставлении особенностей разных подвыборок девочек. В первую очередь, обращает на себя внимание сопоставление размещений учениц 9-х и 11-х классов. Так, старшекласницы из слабообеспеченных семей оказались близки по своим ценностным ориентациям по результатам опросов как в 2002, так и в 2017 гг., разместившись в зоне квадранта II. Это означает, что для них характерно стремление к социальной самореализации (F1+) и одновременно чувство взрослости (F2-).

В то же время старшекласницы из высокообеспеченного слоя, опрошенные в 2002 и 2017 гг., принципиально отличаются друг от друга по своим ценностным ориентациям. Так, в 2002 г. девочки из высокообеспеченных семей разместились в квадранте III: для них характерна значимость ценности поддержания здоровья (F1-) и чувство взрослости (F2-). В 2017 г. ценностные ориентации у девочек из высокообеспеченных семей оказываются прямо противоположными, поскольку лежат в плоскости квадранта I. Это означает, что они ориентированы на поддержание норм подростниче-

ства (F2+) и на стремление к социальной самореализации (F1+). Другими словами, современные девочки из высокообеспеченного слоя оказываются более инфантильными, по сравнению со своими сверстницами, опрошенными в 2002 г., и в то же время ориентированы на самореализацию (в 2002 году ориентация была связана с поддержанием здоровья).

Помимо размещений подвыборок учащихся в пространстве факторов F1 и F2, рассмотрим своеобразие значений по осям других факторов, уделив специальное внимание наиболее выраженным различиям. В качестве иллюстрации в таблице 4 представлены значения в подвыборках девочек по опросам 2002 и 2017 гг. по осям факторов F3 («ситуативность—проблематизация будущего») и F4 («пессимизм—оптимизм»).

Из табл. 4 видно, что фактор F3 четко дифференцирует девочек, опрошенных в 2002 г. и 2017 г., вне зависимости от уровня их материальной обеспеченности и возраста. Практически все подвыборки девочек, опрошенных в 2002 г., разместились на положительном полюсе фактора F3, что свидетельствует о ситуативности их поведения. Девочки же, участвовавшие в опросе 2017 года, расположились

Таблица 4

Значения по осям факторов F3 («ситуативность—проблематизация будущего») и F4 («пессимизм—оптимизм») в подвыборках девочек по опросам 2002 и 2017 гг.

Фактор F3	2002			2017		
	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
«Ситуативность—Проблематизация»	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
Слабообеспеченные	2,1	1,6	2,0	-1,4	-1,4	-1,4
Высокообеспеченные	0,6	-0,6	0,8	-0,4	-0,3	0,0

Фактор F4	2002			2017		
	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
«Пессимизм—Оптимизм»	7 класс	9 класс	11 класс	7 класс	9 класс	11 класс
Слабообеспеченные	1,3	1,7	1,3	0,0	1,2	0,7
Высокообеспеченные	-0,9	-0,3	-1,1	-0,1	-0,8	-1,7

на противоположном, отрицательном полюсе, что свидетельствует об их явной установке к проблематизации своих планов на будущее: «думают, но не могут определиться», «сомневаются, что жизнь сложится удачно».

Фактор же F4 дифференцирует подвыборки девочек по уровню материальной обеспеченности. Представительницы слабообеспеченного слоя, опрошенные как в 2002, так и в 2017 годах, вне зависимости от возраста разместились на положительном полюсе F4, т.е. пессимистично оценивают свои жизненные перспективы («со страхом и пессимизмом жду завтрашнего дня»), а их сверстницы из высокообеспеченных семей, напротив, «с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее». Иными словами, материальная обеспеченность семьи нивелирует межпоколенческие различия эмоциональной оценки своей жизненной успешности.

И, наконец, завершая изложение результатов факторного анализа, добавим, что анализ, связанный с размещением по оси фактора F5 («друзья—семья, социальное признание»), не столь однозначно дифференцирует различные подвыборки учащихся. Обращает на себя внимание лишь тот факт, что ориентация на социальное признание и счастливую семейную жизнь более характерны для старшеклассников (как мальчиков, так и девочек) из высокообеспеченного слоя. Именно у них проявляется связь оптимизма с ценностями счастливой семейной жизни и социального признания. Для подростков же из слабых социальных страт более значимым оказывается наличие близких друзей, что свидетельствует о ситуативности их поведения, отсутствии притязаний на социальную успешность.

Выводы

1. Сравнительный анализ данных мониторинговых опросов учащихся 7–9–11-х классов в период с 1991 по 2017 гг. показал, что их жизненное самочувствие зависит от экономической и политической ситуации в стране. Так, изменения в эмоциональной оценке своей жизненной успешности среди разных популяций подростков отражают общую динамику социально-экономической жизни. В то же время трансформация жизненных планов носит иной характер: неопределенность планирования заметно увеличивается в период обострения политической ситуации. В целом, можно сделать вывод о том, что эмоциональная оценка жизненной успешности и особенности планирования выступают как разные содержательные векторы для характеристики своеобразия жизненной позиции подростка при проведении межпоколенческих сопоставлений.

2. Среди учащихся одного и того же поколения явно проявляется усиливающееся с возрастом влияние уровня материального положения семьи на поляризацию оценок относительно своей жизненной успешности, сформированности планов и ценностей. Это свидетельствует о том, что социальная стратификация является значимым фактором дифференциации жизненного самочувствия на этапе подростничества.

3. Исследование показало, что своеобразие жизненной позиции на этапе подростничества и ранней юности при межпоколенческих сравнениях в период с 2002 по 2017 годы содержательно характеризуется пятью обобщенными оппозициями: «самореализация—физическое благополучие (здоровье)»; «поддержание норм подростничества—независимость, самостоятельность (взрослость)»; «ситуативность—проблематизация

будущего»; «пессимизм—оптимизм»; «друзья—семья, социальное признание».

4. Учет комплексного влияния гендерных, возрастных и социально-стратификационных показателей позволил провести дифференцированный анализ между разными подвыборками учащихся разных поколений. Установлено, что собственно межпоколенческие различия явно проявляются относительно двух типов ценностных оппозиций: «стремление к самореализации—поддержание здоровья» и «проблематизация будущего—ситуативность поведения». Дифференциация учащихся, принадлежащих к разным социальным стратам (слабообеспеченным и высокообеспеченным), отчетливо

проявляется относительно параметров «оптимизм—пессимизм» и «друзья—семья, социальное признание». Учет этих особенностей также крайне важен при сравнении жизненного самочувствия учащихся разных поколений относительно их принадлежности к сильным и слабым социальным стратам. И, наконец, оппозиция «поддержание норм подростничества—независимость, самостоятельность (взрослость)» является инвариантной для представителей разных поколений учащихся, но в то же время она крайне важна для сопоставительного межпоколенного анализа особенностей жизненной позиции при переходе от подростничества к ранней юности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
2. *Вартанова И.И.* Специфика взаимосвязи мотивации и ценностей старшеклассников различного пола и возраста [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 67–74. doi:10.17759/pse.2018230606
3. *Выготский Л.С.* Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте. Избранные психологические исследования. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1956. 520 с.
4. *Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А.* Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 96–105. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/611/119/1217/011.GAVRILIUK.pdf> (дата обращения: 05.04.2019).
5. *Жилинская А.В., Бочавер А.А.* Подходы к построению подростками жизненного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 36–45.
6. *Карбанова О.А.* Понятие «социальная ситуация развития» в современной психологии [Электронный ресурс] // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 4. С. 40–56. URL: http://mhp-journal.ru/upload/2007_v2_n4/2007_v2_n4_05.pdf (дата обращения: 05.04.2019).
7. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.
8. *Поливанова К.Н.* Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 20–32.
9. *Собкин В.С.* Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 318 с.

10. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. Труды по социологии образования. Т. X. Вып. XVII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2005. 359 с.
11. Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: жизненные и профессиональные ориентации. Труды по социологии образования. Т. XVIII. Вып. XXX. М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2016. 216 с.
12. Собкин В.С., Писарский П.С. Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва—Амстердам (по материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей). М.: ЦСО РАО, 1994. 152 с.
13. Собкин В.С., Писарский П.С. Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.: Министерство образования Российской Федерации, 1992. 159 с.
14. Солдатова Г.У., Львова Е.Н. Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рисками // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 29—41. doi:10.17759/pse.2018230303
15. Толстых Н.Н. Подростки и их родители: что ценят и чего хотят сегодня? // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. С. 70—78.
16. Толстых Н.Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Монография. Москва: Универсум, 2018. 292 с.
17. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 2. С. 109—125. doi:10.17759/sps.2016070208
18. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.

Features of intergenerational differences in the life position of adolescents

V.S. SOBKIN*,
FSBU IMO RAO, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

E.A. KALASHNIKOVA**,
FSBU IMO RAO, Moscow, Russia,
5405956@mail.ru

For citation:

Sobkin V.S., Kalashnikova E.A. Features of intergenerational differences in the life position of adolescents. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 19—39. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100302

* *Sobkin Vladimir S.* — Doctor of Science in Psychology, Head of the Center for the sociology, Federal state budgetary institution “Institute of management in education” (FSBI IEM RAE), Moscow, Russia, sobkin@mail.ru

** *Kalashnikova Ekaterina A.* — PhD in Psychology, Research worker, Federal state budgetary institution “Institute of management in education” (FSBI IEM RAE), Moscow, Russia, 5405956@mail.ru

In the context of the problems of intergenerational differences, the article considers the peculiarities of changes in the emotional assessment of the success of life perspectives, the formation of future plans and priorities in life values of students in primary and high schools. The work is based on a comparison of the results of monitoring questionnaires that were conducted by the staff of the CSE RAO from 1991 to 2017. The sample of respondents in 1991 was 1162 respondents, in 1996 – 1604, in 2002 – 2978, in 2017 – 11 803. When analyzing the materials, gender, age and social stratification differences are taken into account. The data were processed using mathematical statistics methods (criteria for significant differences, factor analysis). Results show that schoolchildren's emotional assessment of the success of life prospects, the formation of future plans and value preferences largely depend on economic and political transformations in society. Using the factor analysis, five generalized oppositions have been identified, which allow an intergenerational comparison of the characteristics of students' life positions with regard to gender, age and social stratification factors.

Keywords: *intergenerational differences, adolescent, success in life, values, formation of plans, gender and age factors, financial situation.*

REFERENCES

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 398 p.
2. Vartanova I.I. Specifics of the Relationship between Motivation and Values in High School Students of Different Sex and Age. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2018. Vol. 23, no. 6, pp. 67–74. doi:10.17759/pse.2018230606 (In Russ., abstr. in Engl.)
3. Vygotskiy L.S. Problema obucheniya i umstvennogo razvitiya v shkol'nom vozraste. Izbrannyye psikhologicheskiye issledovaniya [The problem of learning and mental development at school age. Selected psychological studies]. Moscow: House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR Publ., 1956. 520 c.
4. Gavriluyuk V.V., Trikoz N.A. Dinamika cennostnyh orientacij v period social'noj transformacii (pokolennyj podhod) [Elektronnyj resurs] [The dynamics of value orientations in the period of social transformation (a generational approach)] *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2002, no. 1, pp. 96–105. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/611/119/1217/011.GAVRILIUK.pdf> (accessed 05.04.2019).
5. Zhilinskaya A.V., Bochaver A.A. Podxody` k postroeniyu podrostkami zhiznennogo puti [Approaches to the construction of adolescents' life path]. *Psixologicheskij Zhurnal [Psychological Journal]*, 2018. Vol. 39, no.1, pp. 36–45.
6. Karabanova O.A. Ponyatie «social'naya situaciya razvitiya» v sovremennoj psihologii» [Elektronnyj resurs] [The concept of “social situation of development” in modern psychology “]. *Metodologiya i istoriya psihologii [Methodology and history of psychology]*, 2007. Vol. 2, issue 4, pp. 41–56. Available at: http://mhp-journal.ru/upload/2007_v2_n4/2007_v2_n4_05.pdf (accessed 05.04.2019).

7. Marcinkovskaya T.D., Poleva N.S. Pokoleniya epohi tranzitivnosti: cennosti, identichnost', obshchenie [Generations of the era of transitivity: values, identity, communication]. *Mir psikhologii* [*The world of psychology*], 2017, no. 1, pp. 24–37.
8. Polivanova K.N. Psihologicheskoe sodержanie podrostkovogo vozrasta [Psychological content of adolescence]. *Voprosy psikhologii* [*Questions of psychology*], 1996, no. 1, pp. 20–32.
9. Sobkin V.S. Starsheklassnik v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie. [High school student in the world of politics. Empirical research]. Moscow: Publ. CSE RAO, 1997. 318 p.
10. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., Baranova E.V. Podrostok: normy, riski, deviacii. Trudy po sociologii obrazovaniya [Teenager: norms, risks, deviacii. Labours on sociology of education]. T. X. Vol. XVII. In Sobkin V.S. (ed.). Moscow: Publ. CSE RAO, 2005. 359 p.
11. Sobkin V.S., Adamchuk D.V. Sovremenniy uchitel': zhiznennyye i professional'nyye oriyentatsii. Trudy po sotsiologii obrazovaniya [Modern teacher: life and professional orientation. Labours on sociology of education]. T. XVIII. Vol. XXX. Moscow: Publ. FSBI «IEM RAE», 2016. 216 p.
12. Sobkin V.S., Pisarskiy P.S. Zhiznennyye cennosti i otnoshenie k obrazovaniyu: krosskul'turnyj analiz Moskva – Amsterdam (po materialam sociologicheskogo oprosa uchitelej, uchashchihsya i roditelej) [Life values and attitudes towards education: a cross-cultural analysis of Moscow – Amsterdam (based on a survey of teachers, students and parents)]. Moscow: Publ. CSE RAE, 1994. 152 p.
13. Sobkin V.S., Pisarskiy P.S. Sociokul'turnyj analiz obrazovatel'noj situacii v megapolise [Socio-cultural analysis of the educational situation in the city]. Moscow: Publ. M-education Ros. Federation, 1992. 159 p.
14. Soldatova G.U., Lvova E.N. Adolescents Encountering Online Risks: Characteristics of Parental Mediation. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [*Psychological Science and Education*], 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 29–41. doi:10.17759/pse.2018230303 (In Russ., abstr. in Engl.)
15. Tolstykh N.N. Adolescents and their parents: what are the values and what do they want today? *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [*Psychological Science and Education*], 2012, no. 4, pp. 70–78. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Tolstykh N.N. Hronotop: kul'tura i ontogenez. Monografiya [Chronotop: culture and ontogenesis. Monograph]. Moscow: Universum, 2018. 292 p.
17. Khlomov K.D. Social risks in the context of individual life paths of contemporary teenagers. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208. (In Russ., abstr. in Engl.)
18. El'konin B.D. Vvedeniye v psikhologiyu razvitiya (v traditsii kul'turno-istoricheskoy teorii L.S. Vygotskogo) [Introduction to developmental psychology (in the tradition of the cultural-historical theory of LS Vygotsky)]. Moscow: Trivola Publ., 1994. 168 p.
19. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Flinta Publ., 2006. 342 p.